

УДК 930.1; 1(091)

ФИЛОСОФИЯ И. БЕРЛИНА: ИСТОРИЯ И ЕЕ МЕТОД

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.224

Рассматривается трактовка истории И. Берлином. Следуя гуманистическому подходу Вико, Берлин отвергает идею применения естественнонаучной методологии к человеческим делам. Определяется, что значительную роль в восприятии истории играют чувство реальности и воображение. Выявляется наиболее значимая для Берлина мысль, нашедшая отражение в представлениях Вико и Гердера, – именно различия, а не сходства определяют завершенность познавательного акта, исторического описания, индивидуальности, будь то предмет, человек или культура.

Ключевые слова: *история, воображение, чувство реальности, интеллектуальная история.*

Исайя Берлин (1909–1997) внес существенный вклад в область изучения этической и политической теории, истории идей, философии. Его автобиографическое эссе, а также биография, составленная М. Игнатьевым, описывают тройственность личности Берлина – одновременно русской, еврейской и английской, сформированную под влиянием событий XX в. с его потрясениями и разногласиями [13, р. 15].

Интерес к философской проблематике Берлина был инспирирован посещением занятий по философии в Оксфорде, а также философами Венской школы, находящимися под влиянием Б. Рассела, Р. Карнапа, Л. Витгенштейна и М. Шлика [4]. Значительное влияние на складывание историко-философских взглядов оказал Р.Дж. Коллингвуд – единственный из оксфордских философов того времени, практиковавший исторический подход к философским проблемам [7, с. 96]. Как указывает Игнатьев, интерес Берлина к философии Дж. Вико был инспирирован Коллингвудом – сторонником таких идей, как «воспроизведение», «вчувствование» и «понимание» в англо-американской философии, и основным интерпретатором Вико [14, р. 38].

В определенном смысле Берлина можно считать наследником англо-американской аналитической традиции, которая, в толковании Б. Уильямса, представляет собой определенный стиль мышления, характеризующийся последовательной аргументацией и относительно ясным языком [9, с. 171]. При этом, по словам Д. Грея, Берлин привносит в британское наследие русские и еврейские подтексты: достоинство, умеренность, сомнения и чувство трагедии [11].

Политическая мысль Берлина переплетается с теоретическими областями философского исследования, такими, как метафизика (проблема свободы воли), эпистемология (скептицизм по поводу предполагаемого знания будущего) и философия языка (сущность значения и верификации). Эссе Берлина находятся на стыке философии и политической теоретизации, поэтому определение того, где заканчивается Берлин – политический теоретик и начинается Берлин – историк идей, достаточно сложно. Теоретика волновало то, каким образом можно примирить идею постоянных, стабильных человеческих ценностей с их очевидной историчностью и изменчивостью в рамках разных культур и индивидов. Обширность корпуса его работ, отсутствие общих теоретических исследований приводит к тому, что любой комментарий относительно его взглядов формируется по разрозненным фрагментам.

В 1944 г. Берлин отходит от философии в пользу изучения истории идей. По версии, которую он любил распространять, это решение было принято, поскольку его убедили, что он не сможет внести значительный вклад в развитие философии. Тем не менее в биографии Берлина возможно обнаружить более вескую причину: решение было принято через некоторое время после разговора во время трансатлантического перелета в Лондон. Именно тогда он начал рассматривать чистую философию как область, сходную с критикой или поэзией, в которых было бы невозможно пополнить запас «положительных человеческих знаний», и пришел к выводу, что должен сосредоточить свои усилия в области истории идей [12]. Философия сосредотачивается на том, чтобы охарактеризовать «очки», посредством которых человек смотрит на реальность, а задача истории заключается в том, чтобы дать людям возможность почувствовать то, какой была реальность в ином времени и пространстве.

Историк идей концентрируется на фиксации и исследовании прошлых моделей или интеллектуальных парадигм, при акцентуализации внимания на контекстуальных особенностях, в которые встраиваются идеи. По словам Галипо, история идей Берлина тесным образом связана с его защитой политического либерализма, поэтому в любых политических аргументах возможно обнаружить историческое измерение [10].

Стремление Берлина сосредоточиться на изучении политической теории, истории идей и философии можно интерпретировать следующим образом. Учитывая, что задачи философии, с позиции теоретика, заключаются в исследовании и переоценке обоснованности моральных идеалов, а политическая теория сосредотачивается на проблеме реализации морали в обществе, история идей направлена на достижение самопонимания, того, что Берлин именуется высшей потребностью человека, позволяющей выявить и охарактеризовать модели человеческой природы и общества. Следовательно, проект Берлина реализуется одновременно на концептуальном (философском), эмпирическом (историческом) и нормативном (моральном и политическом) уровнях, дви-

жимый целями просвещения, свободы и достижения прогресса в постижении того, что представляет собой человек. Как политический теоретик, Берлин всегда стремился опираться на исторические знания и практический опыт, в связи с этим его либеральные взгляды являлись достаточно умеренными и, в определенной степени, сдерживаемыми верой в конфликт высших ценностей [17, р. 81].

Подход Берлина к интеллектуальной истории несколько отличается от лингвистического контекстуализма Кембриджской школы [16]. Хотя Берлин подчеркивал важность знания лингвистического контекста и соглашался с К. Скиннером относительно того, что историк может по-настоящему познать прошлые идеи только тогда, когда он поймет политические обстоятельства, в которых они возникают, против кого они были направлены, в поддержку кого были адресованы, следствием какого политического и социального развития были [12], он утверждал, что суть самих идей не вытекает из подобного подхода: «Если бы он был прав, мы не смогли бы понять Платона или Аристотеля... Мы не знаем, в каком обществе жил Аристотель, когда учил Александра Великого, какова повседневность этого общества. Мы не знаем, какова была его мораль: историки, драматурги, ораторы не предоставляют достаточно доказательств. Но сами идеи остались живы. Они волновали и продолжают волновать людей более двух тысяч лет. Если требования Скиннера не выполняются, каким образом это происходит? Не может быть, чтобы понимание идей зависело исключительно от адекватного понимания контекста. Знание контекста, конечно, помогает... Но мое понимание Макиавелли, даже если оно неполное, кажется мне более важным, чем то, напоминает ли "Государь" Макиавелли другие произведения или нет» [15, р. 94]. Знание лингвистического контекста для Берлина полезно только в той мере, в какой оно служит инструментом для определения релевантных идей, которые интересовали мыслителя прошлого, а цель интеллектуальной истории заключается в понимании видения мира мыслителем прошлого. Если для Скиннера истинное историческое понимание мыслителя состоит в изучении стремлений и намерений автора посредством анализа лингвистического контекста (что потребует и знания социального и политического контекста), то Берлин стремиться исследовать прошлое посредством методологии Вико, руководствуясь при этом соответствующими знаниями лингвистико-исторического контекста [12].

Одной из проблем, на которых сосредотачивается Берлин, является проблема статуса истории. Трактовки истории многообразны, а смысл истории рождается на фоне различных мировоззренческих предпосылок [8, с. 6]. В рамках традиции Аристотеля, история рассматривается как рассказ о том, что случилось с тем или иным человеком. Декарт отказывал истории в праве стать наукой, в силу того, что она не соответствует картезианским критериями рациональности [5]. Ницше утверждал, что человек стремится постичь историю вследствие гордости, желая прославить род, нацию,

церковь, а также веры в священные предания рода. Другие исследователи стремятся обнаружить в истории некое осуществление божественного замысла, представляя историю как божественную драму, которая должна завершиться развязкой за границами времени и всеобщим духовным преобразованием, недоступным ограниченному человеческому разуму. Позитивисты верили в возможность и необходимость естественно-научной истории, созданной по принципам если не физики, то, по крайней мере, биологии [1, с. 187–188]. Соответственно, подходы к истории чрезвычайно многообразны, и Берлин задается следующим вопросом: является ли история научной? [2, с. 76].

Обращаясь к свойствам естественных наук, Берлин стремится соотнести с ними историю, что представляется весьма проблематичным. Во-первых, в естественных науках предсказание, или послесказание, понимаемое Берлином как заполнение пробелов в прошлом, порождение информации об эпохах и событиях, посредством экстраполяции, производимой в соответствии с теми или иными законами и правилами, в истории представляется достаточно проблематичным, поскольку не может подразумевать под собой надежное историческое знание [2, с. 80].

Во-вторых, в развитых естественных науках значительную роль играют общие положения и законы, но в истории правило не действует [3, с. 248]. Противостоя идеям монизма в истории, Берлин утверждает, что не существует единых законов развития, а исторические факты могут рассматриваться с различных ракурсов и позиций.

В-третьих, естественные науки представляют собой, по большей части, набор логически связанных законов, регулирующих поведение объектов реальной действительности. В истории такие модели или дедуктивные выводы оказываются бесполезными, а масштабность и надежность обобщений, сформулированных при помощи общих понятий (государство, развитие, революция, общественное мнение, экономический рост, политическая власть), вызывает сомнения [2, с. 85].

В-четвертых, в естественнонаучной работе все логические связи между положениями являются выводимыми одна из другой. В исторических трудах также используются фразы в духе «неудивительно, что», «поэтому совершенно естественно», «неизбежные последствия не замедлили наступить», «события следовали своей неумолимой логике», «от этого было совсем недалеко до», но логические переходы между фактами не всегда логичны и сопоставимы, а доказательства представляются размытыми с позиции естественных наук [2, с. 88]. В истории союз «потому что» используется, когда мы апеллируем к рассуждениям, основанным на опыте, следовательно, по Берлину, это «потому что» не является индуктивным или дедуктивным выводом, а основывается на понимании [2, с. 100].

В-пятых, мир естественной науки – это мир внешнего наблюдателя, фиксирующего данные о сочетаемости и последовательности, степени корреляции эмпирических характеристик [2, с. 90]. История связа-

на с человеком, взаимодействием между людьми, мыслями, чувствами, решениями, картиной мира. Любая попытка интегрировать многочисленные факты в целях того, чтобы составить полное описание исторического события, представляется невозможной. Оптимизм позитивистов относительно исторического процесса также является некорректным: в рамках подобных реконструкций истории воссоздается типичное, некая схема или социальное целое, а история, по Берлину, сосредотачивается на уникальных моментах развития [5].

Следовательно, история не является наукой, поскольку она использует очень мало понятий и категорий, которые были бы свойственны именно ей. Попытки создать специальный понятийный аппарат и особые технические приёмы оказались безрезультатными, поскольку они либо неправильно описывали, чрезмерно схематизировали опыт, либо оказывались не в состоянии дать ответы на наши вопросы [3, с. 225–226]. В истории провести четкую и неизменную границу между «субъективным» и «объективным» практически невозможно, но, по мнению Берлина, из этого не следует, что ее вообще нет [3, с. 238].

История больше похожа на умение или дар, чем на фактическое знание, как деятельность она не препятствует вынесению суждений или проявлению здравого смысла [12], следовательно, применение к истории критериев естественной науки противоречит собственной сути. В исторических суждениях важно опираться на то, что является неощутимым, – на способность суждения, «которая кажется чем-то таинственным только тем, кто исходит из предвзятого мнения, будто индукция, дедукция и чувственное восприятие суть единственные законные источники или, по крайней мере, надежные методы получения знания» [5].

Хотя данные естественных наук могут быть использованы для проверки дат, установления порядка событий в обществе, исключения абсурдных гипотез, их функция является вспомогательной по своему характеру. История представляет собой область, близкую искусству, соответственно, качество нарративов, рассказанных в истории, зависит от искусности, стиля, правильности, четкости характеристик [2]. Значительную роль в истории играет воображение, восходящее к теории Коллингвуда. Без воображения историк не сформулирует представления ни о прошлом, ни о настоящем, ни о других, ни о нас самих [2, с. 113].

Другим необходимым методом является понимание, охватывающее широкую и запутанную область знания, основанную исключительно на человеческом опыте. Берлин называл подобный вид необъяснимого знания чувством реальности. То, что Берлин характеризует как историческое чувство реальности, – это чувствительность к реальности особенностей каждой отдельной культуры, следовательно, чувство культурного разнообразия, основа человеческой реальности, проистекает из философии Дж. Вико и И. Гердера. Именно благодаря этому чувству человек осознает, что те или иные проявления человеческого духа

принадлежат к данной эпохе или культуре. К чувству реальности относятся и базовые представления, определяющие то, в каких терминах человек рассуждает о мире, фундаментальные концепты: человек, общество, история, варварство, цивилизация [2, с. 77–78].

«В истории мы действующие лица, в естественных науках – просто зрители» [11] – это представление Берлин унаследовал от Вико, стремившегося раскрыть природу и сущность истории, исследуя идею цивилизации. Следуя гуманистическому подходу Вико к истории, Берлин отвергает идею применения естественнонаучной методологии к человеческим делам. Таким образом, история является интеллектуальной деятельностью, цель которой заключается в понимании уникальности прошлых событий, а не в попытках предсказания. В связи с этим научное понятие «причинности» неприменимо к историческим сочинениям Берлина, поскольку историческое объяснение может быть «причинным» для него только в веберовском смысле, а не в дедуктивно-номологическом смысле Гемпеля.

Интерпретация Берлином Вико и Гердера связана со значимостью чувства реальности. С одной стороны, Берлин открыто обсуждает эту идею в контексте реконструкции исторической мысли Вико и Гердера. С другой стороны, тот факт, что Берлин не берет на вооружение все, во что они верят, означает, что идеи Вико и Гердера оцениваются в соответствии с чувством реальности Берлина [11].

Вико использовал известный схоластический прием: целиком познать можно только то, что сделал сам, следовательно, человек вполне может понять свое собственное интеллектуальное или поэтическое творение. История человечества творится людьми, она состоит не просто из вещей и событий, а представляет собой человеческую деятельность, повествование о том, что делали люди, о чем они думали, за что они боролись, к чему стремились, что они принимали, что отвергали, над чем думали, что воображали, о том, какими чувствами они были движимы [3, с. 390–391]. В связи с этим может возникнуть закономерный вопрос: может ли человек понять поступки, мысли, отношения, верования, явные и скрытые, способы выражения мыслей и чувств, свойственные обществам, которые уже умерли и миновали? По мнению Вико, существуют три широкие двери, которые открывают путь в прошлое: язык, мифы и ритуалы. «Проникновению в сознание» способствует такая способность, как «fantasia – воображение – с помощью которой есть возможность “войти” в умы, сильно отличающиеся от наших собственных» [3]. Fantasia, по Берлину, является неотъемлемой частью исторического познания, она «сродни знанию о том, что такое бедствовать, принадлежать к определенной нации, взбунтоваться, влюбиться, испугаться, уверовать в Бога, восхищаться картиной или симфонией» [1, с. 196]. Берлин, как и Вико, отводит воображению решающую роль, поскольку без него прошлое остается мертвым: «...чтобы воскресить его, мы должны, по крайней мере – в идеале, слышать голоса людей, представ-

лять (опираясь на доступные факты), каким мог быть их опыт, их формы выражения, ценности, взгляд на мир, цели и образ жизни. Без всего этого мы не поймем, откуда мы взялись, как стали именно такими, не только физически, биологически и, в более узком смысле, политически, но и социальными, психологически, нравственно; не поймем – и не познаем себя» [1, с. 198].

Согласно интерпретации Берлина, то, что подразумевается в фантазии Вико, является еще одним видом знания – знанием «изнутри»; и с этой точки зрения истинное знание чего-либо, таким образом, означает «не просто возможность описать это или проанализировать его на составные части», но «понять, как оно возникло – его происхождение, его рост – и что его суть состоит в том, чтобы стать тем, чем оно является» [12].

Вместе с тем прочтение Вико Берлином является достаточно дискуссионным. Так, например, С. Люфт указывала, что Берлин не замечает радикальной природы принципа *verum/factum* и уделяет недостаточное внимание «материальности и временности» человеческого творения [14, р. 41]. Ошибка Берлина, с позиции Люфт, коренится в его идеалистической позиции, согласно которой Берлин сначала сформулировал эпистемологическую проблему, установив ложное разделение между прошлым миром и современным мышлением, а затем предложил трансцендентальную стратегию для преодоления этой псевдопроблемы. Но, как представляется, исторический подход Берлина не зависит от различения внутренней и внешней жизни и не подразумевает какую-то форму идеализма. Стиль мышления Берлина, скорее, укоренен в реализме, а его методы «понимания» или «вчувствования» непосредственным образом соотносятся с человеческим опытом. Его исторический подход функционирует, скорее, как методологическая стратегия для преодоления культурных различий и трудностей, возникающих из-за временного или пространственного расстояния между объектом, который нужно познать, и познающим, являясь, в большей степени, когнитивной способностью [12]. Берлин, иллюстрируя употребление *fantasia* Вико, указывает: «Если я могу вникнуть и объяснить свое поведение с точки зрения цели, то я могу делать то же самое и с другими, поскольку в самом процессе общения я предполагаю, что они такие же существа, как я» [15]. Тем самым возможность воображения, как ее понимает Берлин, основана на эмпирическом факте, а не на каком-либо метафизическом размышлении.

Другим ориентиром для Берлина является И.Г. Гердер, утверждавший, что различные культуры дают различные ответы на все основные вопросы. У каждой культуры наличествуют собственные ориентиры, которые должны быть сохранены в своей неповторимости. Именно стремление к культурной принадлежности объединяет людей и способствует формированию многоликого образа человечества [4]. Гердер стремился сконструировать стройную систему, объясняющую природу человека и его опыт в истории. Понять любое явление можно только в

его индивидуальности и развитию, для чего необходима способность к *Einführung* («вчувствованию») в мировоззрение и неповторимый характер художественной традиции, или литературы, или социальной организации, или народа, или культуры, или периода истории. Чтобы понять поступки людей, мы должны проникнуть в «органическую структуру» общества, в свете которой единственно и могут быть поняты [3, с. 313].

Наиболее привлекательной для Берлина является следующая мысль, нашедшая свое отражение в представлениях Вико и Гердера – именно различия, а не сходства определяют завершенность познавательного акта, исторического описания, индивидуальности, будь то предмет, человек или культура: «Вико и Гердер, при всей своей необычности и непонятности, научили нас раз и навсегда, что грек времен Гомера или немец XVIII столетия принадлежит к уникальному обществу, и “принадлежность” эту надо анализировать, исходя не из того, что у них общего с другими обществами и предметами, но только из того, что у них общего с другими греками или немцами их века» [6, с. 47]. Основной чертой, характеризующей исторический период, является уникальность: «...взаимная связь разных видов деятельности, обусловленная этой уникальностью или создающая ее, больше всего напоминает симфонию или портрет; то, что нам кажется фальшивым или неуместным, больше всего похоже на то, что отталкивает нас в картине или в стихах, а не в дедуктивной системе, научной теории или взаимосвязанных гипотезах естественных наук» [6, с. 49].

Применительно к области истории это предполагает, что различные культуры, существующие во времени и пространстве, должны пониматься в их собственных терминах. Чувство реальности, отстаиваемое Берлином, носит общечеловеческий характер, что позволяет исследовать прошлое и осуществлять рациональную оценку ценностей, не поддаваясь влиянию формального, эмпирического или универсального мышления. Оно является непостижимой способностью не по причинам его возвышенности или непонятности, а потому, что оно укоренено в опыте человека, представляя собой, по сути, эмпирическую способность соединять независимые концепции и общие предпосылки.

Таким образом, история, по Берлину, отличается от других наук в силу отхода от жестких теоретических моделей, представляя собой отдельную область знания. Историки ориентируются на особенное, уникальное, отличающиеся черты и характеристики. Исторический подход Берлина включает в себя историческое сознание, то, что он именует чувством реальности, понимание и воображение, необходимые для формулирования представлений об историческом процессе. Задача историка состоит в том, чтобы уловить видение мира мыслителем прошлого посредством воспроизведения в себе душевных состояний людей, терзаемых вопросами, на которые их теории стремятся дать ответ. Берлин разделяет подход Вико, представляющий собой использование

воображения, направленного на то, чтобы реконструировать то, что мыслитель прошлого на самом деле стремился утвердить, и понять «авторский замысел» мыслителя прошлого. Несогласие Берлина с Кембриджской школой заключается в том, что он не считает знание лингвистического контекста, а также социально-политического контекста достаточным для правильного понимания прошлого.

Собственные представления Берлина об «эмпатии», «воображении», «понимании», «вчувствовании» происходят от *Fantasia* Вико и *Einfühlung* Гердера. На основе подобных философских концепций Берлин формулирует представление о знании прошлого, которое должно принимать форму внутреннего понимания, проникая в умы людей с помощью воображения. От Вико и Гердера Берлин заимствует несколько идей, в дальнейшем формирующих его собственную плюралистическую конструкцию. Во-первых, разнообразие ценно само по себе. Во-вторых, разные взгляды возникают из различного опыта, тех выражений и интерпретаций, которые приняли форму слов, образов, мифов, ритуалов, институтов, художественного творчества, поклонения. В-третьих, культуры, нации или исторические периоды не могут быть оценены как высшие или низшие, а скорее являются несоизмеримыми друг с другом.

Список литературы

1. Берлин И. Джамбаттиста Вико и история культуры // *Философия свободы. Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 187–205.
2. Берлин И. Естественная ли наука история? // *Философия свободы. Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 70–121.
3. Берлин И. Историческая неизбежность // *Подлинная цель познания: избр. эссе*. М.: Канон+, 2002. С. 162–261.
4. Берлин И. Мой интеллектуальный путь [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/06.htm (дата обращения: 07.10.2020).
5. Берлин И. Понятие научной истории // *Подлинная цель познания: избр. эссе*. М.: Канон+, 2002. С. 25–81.
6. Берлин И. Чувство реальности // *Философия свободы. Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 27–69.
7. Грановская О.Л. Исая Берлин: политическая философия с русскими корнями // *Вестн. Рус. христиан. гуманит. академии*. 2015. Т. 16, Вып. 2. С. 93–105.
8. Губман Б.Л. *Смысл истории: очерки современных западных концепций*. М.: Наука, 1991. 192 с.
9. Паньковский А. Агональный либерализм Исая Берлина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/39/11.pdf> (дата обращения: 07.10.2020).
10. Galipeau C.J. *Isaiah Berlin's Liberalism*. Oxford: Clarendon Press, 1998. 212 p.
11. Gray J. *Isaiah Berlin*. Princeton: Princeton University Press, 1997. 183 p.

12. Hao Y. History, method, and pluralism. A Re-interpretation of Isaiah Berlin's Political Thought [Electronic resource]. URL: <http://etheses.lse.ac.uk/1832/1/U205195.pdf> (accessed: 07.10.2020).
13. Ignatieff M. Isaiah Berlin: a life. London: Vintage Uk, 2000. 356 p.
14. Luft S.R. Vico's Uncanny Humanism: Reading the New Science between Modern and Postmodernism. New York: Cornell University Press, 2003. 240 p.
15. Lukes S. Isaiah Berlin in Conversation with Steven Lukes // Salmagundi. 1988. № 120. P. 52–134.
16. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. № 8. P. 3–53.
17. Thorsen D.E. The Politics of Freedom A Study of the Political Thought of Isaiah Berlin and Karl Popper, and of the Challenge of Neoliberalism [Electronic resource]. URL: <https://www.duo.uio.no/handle/10852/13298> (accessed: 07.10.2020).

I. BERLIN'S PHILOSOPHY: HISTORY AND ITS METHOD

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to Berlin's interpretation of history. Following Vico's humanistic approach, Berlin rejects the idea of applying natural science methodology to human affairs. He claims that the comprehension of reality meaningful content and imagination play a significant role in the interpretation of history. The most significant Berlin's thought, derived from the ideas of Vico and Herder, is revealed: it is differences, not similarities, that determine the completeness of the cognitive act, historical description, individuality, or culture.

Keywords: *history, imagination, sense of reality, intellectual history.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD (Philosophy Sciences), Associate Professor of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. Email: potamskaya.v@yandex.ru